

АРХИВ

Василь Быков

«Тюрьма “Траум”»

притча

Посвящается Арнольду
МакМиллину

В 2001 году нас посетила Ирэн Зораб, бывшая аспирантка моего мужа Арнольда МакМиллина, профессора русской литературы Лондонского университета. Ирэн была главным редактором журнала «New Zealand Slavonic Journal». Она изложила свой план: издать festschrift — юбилейный сборник статей к 60-летию Арнольда. Тогда же у нас родилась идея попросить наших друзей, писателей и поэтов — Василия Аксенова, Василя Быкова, Зиновия Зиника, Дмитрия Пригова и Владимира Войновича написать по маленькому опусу в этот сборник. Все с радостью согласились.

Зимой 2002 года Василь Быков прислал притчу «Тюрьма “Траум”»¹. С писателем, о творчестве которого Арнольд много писал, его связывала глубокая и сердечная дружба. Бывая в Минске, Арнольд всегда встречался и проводил вечера в семье Быкова. Когда опальному писателю пришлось уехать из Белоруссии, Арнольд навещал его в Германии и Финляндии и всячески старался помогать и поддерживать Василя Владимировича и его жену.

Притчу «Тюрьма “Траум”» предполагалось опубликовать на трех языках: белорусском, русском и английском. Собрав в горсточку скудные знания языка, оставшиеся от моего белорусского детства, я вооружилась словарями и засела за перевод. Не имея никакого опыта такой литературной работы, я провела за ней более недели, перебрав бесчисленное количество вариантов. Когда, наконец, появилась версия, которая мне показалась наиболее адекватной, я отправила ее на утверждение Василю Владимировичу. Он ответил сразу ласковым письмом. Перевод ему очень понравился, и он предложил лишь одно изменение, с которым я сразу и безусловно согласилась.

Между тем, из Новой Зеландии сообщали, что festschrift разбух, распух и превратился в два тома. И издатели решили, что из-за

нехватки места притча Быкова будет опубликована только по-белорусски и по-английски.

В декабре 2002 года по приглашению Вацлава Гавела, выдвигавшего его на Нобелевскую премию, Быков переехал в Прагу. Поздней весной 2003 года Арнольд получил от него письмо. Быков писал, что очень болен, и просил приехать попрощаться. Выкроив первое возможное окно в учебном расписании, мы полетели в Прагу. Остановившись в гостинице, мы поехали по адресу писателя. Несколько раз позвонили в дверь. Ответа не было. Сквозь дырочки и почтовом ящике мы увидели адресованную Быкову корреспонденцию. Погуляли по округе, выпили кофе, вернулись к позвонили. Никто не отвечал. Мы решили попробовать еще раз вечером. Так мы ездили на пражскую окраину три дня подряд. И только вернувшись в Лондон, мы узнали, что состояние писателя так ухудшилось, что за два дня до нашего приезда жена увезла его умирать на родину. 22 июня Василь Быков скончался.

Притча лежала среди моих бумаг много лет. Но, недавно наткнувшись на нее, я подумала, что было бы несправедливо лишить русскоязычного читателя последнего, как оказалось, произведения прекрасного и мужественного писателя.

Тем более что и тема притчи «Тюрьма “Траум”» только возрастает в своей актуальности.

*Светлана Шнитман-
МакМиллин*

* * *

Сидеть в тюрьме, пусть и не самой жестокой, всегда плохо. Та, что называлась «Траум», не была особенно жестокой: и питание, и прогулки, и даже свидания с родными — все предписывалось законом и выполнялось охраной. Тем не менее заключенные протестовали, предъявляли требования, даже начали голодовку, — выражая тем самым свое стремление к свободе.

И на воле не могли смириться с тем, что соотечественники страдают в тюрьме. И поэтому также бунтовали, устраивали забастовки и демонстрации, делали заявления в прессе. Режим не уступал, введя жесткую цензуру и кидая на демонстрантов мощные отряды полиции, благодаря чему число заключенных в тюрьме значительно выросло. И, наконец, борьба за свободу заключенных стала столь яростной, что враждующие стороны столкнулись на баррикадах.

В городе разразилась настоящая война. Сражались на улицах и на дорогах, во дворах и прилегающих к городу полях. То одна, то другая сторона брала верх, было много убитых и раненых.

Постепенно город превратился в развалины, а поля вокруг заросли сорняком — ни сеять, ни жать было некому. Единственным тихим местом оставалась тюрьма «Траум», где режим был по-прежнему непоколебимым, и главное — заключенных продолжали кормить. Старинные каменные стены защищали обитателей от холодной, ненастной погоды. Не то что у тех, кто жил на воле, — тем нечего было есть, и крыши над головой были разрушены.

Несмотря на это заключенные, может быть, больше, чем когда-нибудь, стремились на волю. Возникло движение за свободу, предводительствуемое молодым парнем по имени Восип, который попал в тюрьму недавно, после своего первого выступления за свободу заключенных. В огромной общей камере он вел длинные разговоры с заключенными, утверждая, что для человека (как и животного!) нет ничего дороже воли, что с самого момента своего рождения всякое живое существо стремится к свободе. Заключенные с охотой слушали своего товарища и не возражали, — кто в тюрьме стал бы возражать против свободы? Всем осточертели эти стены, всем хотелось побежать по зеленой траве навстречу ласковому ветру и солнцу. Но их не пускали.

Сидя на нарах, заключенные напряженно прислушивались ко всему, что происходило за стенами тюрьмы. Правда, они мало знали об этом, но, по мере приближения борьбы к стенам «Траума», многого знать и не требовалось. Требовалось действовать. По команде Восипа узники, сплотившись и восстав, сломали двери и замки и вырвались из тюрьмы навстречу освободителям. Встреча была незабываемой — плача от радости, заключенные бросились на шею освободителям. Под стенами «Траума» возник огромный митинг, и речи продолжались до ночи. Правда, к вечеру толпа начала редеть, и недавние заключенные стали расходиться в разные стороны. Однако большинство из них не могло уйти далеко, потому что у них не было крыши над головой, — город лежал в руинах.

Выпал первый снег. Они подожгли остатки строений и, согреваясь у огня, старались пересидеть ночь. Самым плохим было то, что ни у заключенных, ни у их недавних освободителей не было еды. С приходом рассвета митинг возобновился под стенами и в тюремном равелине. Выступали разные ораторы, но самой страстной и убежденной была речь недавнего узника Восипа, говорящего вновь и вновь об основополагающей ценности свободы, которой не должны пренебрегать ни люди, ни правительство, ни сам Господь Бог. Его слушали, не возражая, но почему-то прежних горячих оваций больше не было. В молчании, установившемся после его речи, прозвучал

неуверенный голос откуда-то с задних рядов: «Но когда же мы будем есть?».

Что есть и когда, — на это Восип не дал никакого ответа, вероятно, потому что и сам этого не знал, зато он заговорил опять о свободе в их подавленной стране. На этот раз его слушали явно без внимания — возможно, острота слуха терялась у голодных людей. К тому же их мучил холод.

Тем не менее они как-то выдержали еще день и вторую ночь среди развалин. За это время погода сильно ухудшилась, они достали немного хлеба, но даже маленьких порций не хватило на всех. Вокруг огня теперь бушевали споры и ссоры: то враги, а то и бывшие друзья обвиняли друг друга, выискивая предателей и коллоборантов, которых незамедлительно линчевали тут же, в рavelине у «Траума». В дополнение ко всем этим страстям откуда-то просочились слухи, что соседние города — союзники режима — собрали массивное войско, с тем чтобы раздавить драгоценную, дорого доставшуюся им свободу.

После несколько дней голода и холода под стенами тюрьмы часть заключенных возвратилась через железные ворота в свои знакомые камеры. Хотя там тоже не было хлеба, но, по крайней мере, было не так холодно. Бывшая охрана с согласия заключенных возобновила надзор.

На свободе, за тюремными воротами оставался верный своим принципам вождь Восип, схваченный неделей позднее войсками реваншистов. Его повесили в тюремном дворе на глазах у огромной толпы заключенных.

Большинство заключенных отнеслось к его казни равнодушно, потеряв уважение к вождю, подвергнутому их таким страданиям. И ничего не достигнувшему.

2002, Прага

*Перевод Светланы Шнитман-МакМиллин с
участием Василя Быкова*

1 «Траум» — от немецкого «der Traum» — «мечта, сон».